

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-115-125

СВОЕОБРАЗИЕ ХУТОРСКОГО ХРОНОТОПА В РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ДЕТИ МОИ»

Чжан Цзясинь*Уханьский университет**430072, г. Ухань, ул. Баи, д. 299, Китайская Народная Республика*

Аннотация

Цель. Выявление пространственно-временной характеристики и символического значения хуторского хронотопа в романе Г. Яхиной «Дети мои», а также рассмотрение роли и влияния закрытого хронотопа в создании и раскрытии образов героев романа. Автор статьи сделал попытку раскрыть глубинный смысл романа и указать на связь его хронотопа с усадебным хронотопом в классической русской литературе.

Процедура и методы. В работе рассматривается хуторской хронотоп в романе «Дети мои» на основе теории хронотопа Бахтина. При проведении исследования применены методы наблюдения, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. Проведённый анализ показал, что, наследуя способы выражения усадебного описания в русской литературе, Г. Яхина даёт уникальное изображение хутора в своём романе. Для героев романа хуторской хронотоп – это не только духовный дом, но и одинокий остров, который ограничивает их возможности познания, делая их невежественными. Он также является священным местом для возрождения души Баха. Используя хуторный хронотоп в качестве основной опоры, роман рассказывает о судьбах «маленьких людей» в «большой истории», показывает их горе, радость и гнев, отражает искреннюю заботу и сострадание писателя к маленьким людям.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволит лучше понять роман «Дети мои», а также углубит представление о хуторском и усадебном хронотопе в русской литературе.

Ключевые слова: Гузель Яхина, «Дети мои», классическая русская литература, маленький человек, усадебный хронотоп, хуторской хронотоп

THE FARMSTEAD CHRONOTOPE IN G. YAKHINA'S “CHILDREN OF THE VOLGA”

Zhang Jiaxin*Wuhan University**ul. Bayi 299, Wuhan 430072, People's Republic of China*

Abstract

Aim. To clarify the temporal and spatial characteristics and symbolic meaning of the farmstead chronotope in G. Yakhina's novel "Children of the Volga", as well as to indicate of the role and influence of the farmstead chronotope in creating and revealing the images of the novel's characters. The article attempts at revealing the deep meaning of the novel and, at the same time, pointing out the connection between the farmstead chronotope and the manor chronotope in traditional Russian literature.

Methodology. This article researches the farmstead chronotope in the novel "Children of the Volga" on the basis of Bakhtin's chronotope theory. The methods of observation, generalisation and interpretation of the results were applied in the research.

Results. The analysis revealed that, while inheriting the writing of manor descriptions in Russian literature, G. Yakhina uniquely depicted farmsteads in her novel. For the protagonists of the novel, the farmstead chronotope is not only a spiritual home, but also an island that limits their cognition and makes them obscure. It is also a sacred place for the rebirth of Bach's soul. Being mainly based on the farmstead chronotope, the novel tells about the fate of the "small people" in the "big history", showing their sorrow, joy and anger, and also reflects the writer's genuine care and compassion for the small people. **Research implications.** The research allows a better understanding of the novel "Children of the Volga" and will deepen the understanding of the farmstead and the manor chronotopes in Russian literature.

Keywords: Guzel Yakhina, "Children of the Volga", classical Russian literature, little man, estate chronotope, farmstead chronotope

Введение

В 2018 г. вышел второй роман русской писательницы Гузели Яхиной «Дети мои». После успеха её дебютного романа «Зулейха открывает глаза» читатели стали ожидать от Яхиной новых художественных открытий. К счастью, «Дети мои» не разочаровал читателей. В романе ещё раз использована проблема «маленький человек» в «большой истории», показана трудная жизнь простых людей в эпоху резких исторических перемен. В некотором смысле он наследует эмоциональность первого произведения. В то же время Яхина за роман «Дети мои» была удостоена престижных российских литературных премий, в том числе и премии «Большая книга». В предисловии к роману Елена Костюкович отметила: «Второй роман оказался выдержанной проверкой. Ещё ярче, увлекательнее и честнее первого. Обычно случается наоборот. Яхина снова удивила нас»¹. В 2020 г. китайский перевод романа «Дети мои», автором которого является Чэнь Фан, попал в руки китайского читателя. Чэнь Фан, которая, как и Яхина, является матерью, блестяще передала стиль и колорит оригинального произведения, за что была удостоена литературной премии имени Лу Синя² 2022 г.

Хутор Гримм – уникальный и важный ориентир в романе не только потому, что подавляющая часть романа посвящена описанию опыта жизни главных героев на хуторе, но и потому, что хуторской хронотоп не зависит от реального хронотопа, он имеет сильную магическую окраску и своеобразные особенности. Если сказать точнее, замкнутое пространство и независимое время хуторского хронотопа делает главных героев романа почти свободными от внешнего мира в этих границах, так, что они могут спокойно и счастливо жить в беспокойное время, но длительная изолированная жизнь приводит к тому, что главный герой Бах действительно теряет связь с внешним миром и становится невежественным, а хутор постепенно превращается в оковы, сдерживающие развитие детей. По мере того, как время и пространство хуторского хронотопа пришли в соответствие с реальным хронотопом, дети получили возможность выйти в широкий мир, а Бах возродился. Построение сюжета, изображение персонажей, тематическое выражение и представление художественных особенностей романа неотделимы от хуторского хронотопа, поэтому необходимость его анализа очевидна. Опираясь на теорию хронотопа советского литературоведа М. Бахтина, мы берём в качестве отправной точки хуторской хронотоп романа и пытаемся прояснить его роль и влияние на героев, анализируя пространственно-временные характеристики и символическое значение хутора, а затем раскрыть глубинный смысл романа, опираясь на полученные результаты.

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 6.

² Литературная премия имени Лу Синя учреждена в честь выдающегося деятеля китайского движения за новую культуру в 1986 году. Она является одной из самых престижных литературных премий в Китае.

Хуторской хронотоп и усадебный хронотоп в классической русской литературе

В русской классической литературе не так много произведений, конкретно описывающих хутора, наиболее яркими примерами являются «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя и «Тихий Дон» М. Шолохова. Хотя основной темой данной статьи является хутор, роль, которую он играет, легко может напомнить нам о русских усадьбах. Значение хутора для людей, которые в нём живут, позволяет связать его с усадьбой, хотя он и не так изыскан. Более того, Г. Яхина в романе также называла хутор Гримма «усадьбой», что ещё больше усиливало некоторое сходство и связи между ними: «Перед отъездом отец поручил хутор заботам одного саратовского делеги, который обязался навещать **усадьбу** и содержать в порядке до тех пор, пока Гримм не обустроится в Германии, а после – продать, со всей обстановкой, хозяйственным инструментом и прочим имуществом»¹.

Усадьба – классический объект изображения в русской литературе. На протяжении всей истории русской литературы, начиная с Д. Фонвизина, Г. Державина, Н. Карамзина (XVIII в.) до А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, Ф. Достоевского, Л. Толстого и других писателей Золотого века, а затем Д. Мережковского, Ф. Сологуба, А. Толстого и других звёзд Серебряного века, бесчисленное множество писателей было очаровано особым миром старинной русской усадьбы, в котором остро ощущали собственные исторические корни. Развёрнутое во времени и многогранное изображение усадьбы сделало её важным мотивом в русской литературе. Изменения в развитии усадьбы отражают эволюцию российского общества, поэтому на разных этапах своего развития усадьба имеет разные символические значения. Изображение усадеб в произведениях русских писателей составляет уни-

кальный усадебный хронотоп в русской литературе.

Что касается времени возникновения усадеб в России, то некоторые исследователи считают, что это было в XVI в. После того, как Русь освободилась от ордынского ига и объединила территории вокруг Москвы, в процессе создания русского централизованного государства развивалась поместная система «как особая массовая форма землевладения, противостоящая привилегированным княжеским, боярским и прочим вотчинам» [8, с. 51]. Однако само понятие «усадьба» появилось позже. В XVI и XVII веках оно называлось «усадище» или «усад». По словарю В. Даля это «господский двор на селе, со всеми строениями, садом и огородом»². Лишь позднее она превратилась в известную нам «усадьбу» XVII–XVIII вв. Русская усадьба XVII в. стала находить отражение в литературных произведениях. Так, например, образ усадьбы конца XVII в. присутствует в романе Д. Мережковского «Антихрист. Пётр и Алексей» и в романе А. Толстого «Пётр Первый».

Своё начало русская литература об усадьбах берёт в конце XVIII в. В результате реформ Петра I произошёл религиозно-нравственный и культурно-психологический разрыв между широкими слоями населения России и образованными классами. Долгое время аристократия доминировала над образованным классом. В 1762 г. Пётр III издал манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», в котором объявил, что дворяне больше не обязаны служить государству. В результате образованные дворяне, имевшие право наследовать и землю, и крепостных, вернулись в свои владения и стали строить дома по своему вкусу. Так возникла усадьба. Дворяне создавали в своих усадьбах особую культуру. Эта культура представляет собой «художественный перекрёсток» [3, с. 25], здесь переплетаются и обогащают-

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 89.

² Усадище // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1991. С. 510.

ся черты традиционного западноевропейского и русского искусства. Усадебный хронотоп в русской литературе конца XVIII в. отражает тесную связь человека с природой, а также глубокую привязанность человека к земле. Жизнь усадьбы всегда совпадала с временным ритмом природы, а сама усадьба символизировала «гнездо дворянства, духовный дом человека» и бесконечно прекрасный «рай на земле» [11, с. 147]. В таких произведениях, как стихотворение Г. Державина «Похвала сельской жизни» и повесть Н. Карамзина «Деревня», воплощено это символическое значение усадьбы.

В первой половине XIX в. с наступлением Золотого века русской литературы усадебная проза расцвела, и всё больше писателей стали писать в своих произведениях о дворянских гнёздах. Примерами могут служить «Евгений Онегин» А. Пушкина, «Мёртвые души» Н. Гоголя, «Записки охотника» И. Тургенева и т. д. Изменения в социальной среде также найдут своё отражение в мире усадьбы. В этот период, когда обострились социальные конфликты и люди были в замешательстве относительно дальнейшего жизненного пути, усадьба стала прибежищем для духа людей и успокоила их души. Однако в связи с ростом буржуазии усадьба как представитель традиционной культуры неизбежно начала разрушаться. Во второй половине XIX в. русская интеллигенция начала искать выход из трудного положения для народа, и в русской литературе появился ряд прогрессивных деятелей, которые искали новые пути, стремились покинуть усадьбу и открыть новую жизнь. К произведениям, изображающим таких героев, относятся романы И. Тургенева «Рудин», «Отцы и дети», Л. Толстого «Анна Каренина», «Война и мир» и др.

Рубеж XIX и XX вв. стал для России временем больших интеллектуальных потрясений и социальных перемен. В этот период резко изменилось мышление людей, рушились традиционные ценности и нравственные идеалы, усадьбы претерпели сильные изменения и перестали быть

духовным домом для людей. В таких произведениях, как «Вишнёвый сад» А. Чехова и «Деревня» И. Бунина, показан упадок усадьбы. В 1910–1920-е гг. под давлением социально-исторических катастроф большое количество российских усадеб было преобразовано в музеи, сельскохозяйственные кооперации, санатории, художественные коммунуны и т. д. Целый ряд дворянских гнёзд был уничтожен восставшим народом. В этот период в русской литературе появился «усадебный миф», а на фоне «усадебного текста» классической русской литературы возник связанный с ним новый мифологический образ – город-сад первых десятилетий XX в., отразивший утопический идеал создания прекрасного пространства. Город-сад в советской поэзии 1920-х гг. – это «эмблема и символ будущего», и «в поэтических рефлексиях образа “сада” преломлялись социально-утопические концепции революционного времени» [6, с. 23].

В 1920–1930-е гг. распространение усадебного мифа в русской культуре было насильственно прервано из-за тотальной социально-космополитической мифологии, характерной для советского периода русской истории. В связи с резкими катастрофическими изменениями в стране русская усадьба перестала существовать как культурный код, но сохранила потенциал для развития.

После распада Советского Союза усадебная тема вновь возникла в связи с потребностью в национальной самоидентификации, а также потому, что мифическая окраска, присущая русской усадьбе, имела ещё много нераскрытых возможностей. Поэтому «с ослаблением, а затем и полным снятием идеологических преград на рубеже 1980–1990-х гг. все недоконченные, ушедшие под землю течения и тенденции Серебряного века стали выходить на поверхность, вспоминаться и переосмысляться в новых условиях. Важнейшей среди них оказалась реанимация усадебного неомифа» [2, с. 214]. Многие современные писатели стремятся развить этот, казалось бы, навсегда ушедший в прошлое

миф. Например, В. Сорокин, М. Шишкин, В. Пелевин, П. Крусанов и др. В определённой степени это связано с некоторыми особенностями российского постмодернизма. Одной из основных черт постмодернизма является деконструкция. На рубеже XX и XXI вв. русские писатели-постмодернисты деконструировали традиционные усадьбы с помощью ряда постмодернистских приёмов, таких как интертекстуальность, гипергротеск, иронический модус, пастиш, пародия, шизоанализ и т. д.

Значение литературы заключается в её конструировании, а бесконечная деконструкция, в итоге, несовместима с духовными потребностями народа, поэтому постмодернистская литература неизбежно придёт в упадок. В России всегда существовала группа писателей, придерживавшихся классической традиции в русской литературе, которые в своих произведениях проявляли неравнодушие к отечественной истории и социальной действительности, а также заботу и сострадание к людям. Среди них было много писателей, уделявших внимание усадьбе, в их числе и Г. Яхина. В её романе «Дети мои» уединённый хутор наследует миф о традиционной русской усадьбе, которая является духовным домом для людей, но также неизбежно имеет и свою негативную сторону. Стоит отметить, что роман Г. Яхиной представляет собой смешение реалистического и сюрреалистического стилей, что делает хуторской хронотоп в её романе и реалистическим, и магическим [5; 7].

Замкнутый хронотоп – духовный дом и одинокий остров

Анализ хронотопа начинается с его временных и пространственных характеристик. «В литературе ведущим началом в хронотопе является время» [1, с. 342], поэтому анализ временных характеристик предшествует анализу пространственных. В романе «Дети мои» хутор Гримм – волшебное место, и этот «загадочный хутор в действительности является “заколдованным местом”, в котором действуют

свои, совершенно иные законы бытия, пространства и времени» [4, с. 98]. В романе неоднократно упоминается время хуторского хронотопа. Когда Бах впервые покидает хутор Гримм, он обнаруживает, что его часы стоят. Этот мистический эпизод показывает, что на хуторе Гримм не действуют законы отсчёта времени, принятые во внешнем мире. «Жизнь на хуторе текла уединённая. Каждый отъезд и возвращение хозяина становился событием, от которого вёлся дальнейший отсчёт времени»¹. Кроме того, вместо поминутного отсчёта времени на хуторе полагаются на природные явления – росы, звёзды, луну и т. д. Время на хуторе идёт по-другому, и воспринимать его становится очень сложно. Ещё одной отличительной особенностью хуторского хронотопа является то, что время как бы замирает. В отличие от колонии Гнаденталь, хутор Гримм остаётся неизменным. Время здесь циклично, жизнь главного героя продолжается и продолжается, и в этом отношении хуторской хронотоп вполне совместим с идиллическим хронотопом. «Содержание жизни, выраженное в идиллии, ограничивается основными фактами жизни, такими как рождение, смерть, труд, а жизнь людей объединяется с ритмами природы» [12, с. 38]. Этот цикл создавал впечатление, что ничего не изменилось, и время как бы замерло. И в романе Г. Яхиной Бах, прожив семь лет в усадьбе, не помнил, сколько времени прошло до того момента, как он вернулся в Гнаденталь.

Хотя в литературе время является доминантой хронотопа, но, в конечном счёте, время неотделимо от пространства, оно должно быть представлено в нём. Поэтому без анализа пространственных характеристик хронотопа также не обойтись. На протяжении всего романа хутор Гримм почти отрезан от внешнего мира. За долгий период, прошедший с момента первого появления усадьбы в романе в 1918 г. до её превращения в «детский дом имени Третьего Интернационала», эта таинствен-

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 58.

ная территория имела всего три контакта с внешним миром. Замкнутость – доминирующий тон хуторского хронотопа. На самом деле, хуторской хронотоп кажется нереальным почти от начала и до конца романа, и большую часть времени хутор изолирован, как будто существует в отдельном фантастическом мире. Эта особенность хутора проявилась ещё во время первого приезда Баха сюда, где жители почти ничего не знали о внешнем мире: «об астрономии на хуторе Гримм и не слыхивали. Как, впрочем, и о Гёте с Шиллером»¹. Клара не выходила за ворота хутора с самого рождения, а нянька Тильда давно забыла, когда последний раз покидала хутор. После того как Бах и Клара, пережившие перемены в Гнадентале, стали владельцами хутора Гримм и начали здесь новую жизнь, хутор стал закрытым и изолированным, а катастрофы внешнего мира, кажется, не имели к ним никакого отношения.

За двадцать лет жизни Баха на хуторе Гримм (1918–1938 г.) этот замкнутый мир имел всего три контакта с внешним пространством. Первый – в 1923 г., когда Клара была трагически изнасилована несколькими незваными гостями; второй – в 1929 г., когда на хутор пришёл Васька; и третий – в 1934 г., когда в окрестностях хутора появился государственный работник по борьбе с безграмотностью и увёз Анче и Ваську. Все эти три события значительно продвигают сюжет вперёд. За исключением этих трёх событий хутор был оставлен в покое, чтобы защитить живущих в нём людей.

Независимое, статичное, циклическое время и замкнутое пространство хуторского хронотопа перекликаются друг с другом в органичном единстве. Циклическое время требует замкнутого пространства, а замкнутое пространство в определённой степени определяет этот временной характер, и, таким образом, формируется хронотоп, отделяющий мир хутора от реального мира. Хуторской хронотоп представляет собой гармоничное единство между чело-

веком и природой, аналогичное идиллическому хронотопу. Важнейшей особенностью идиллического хронотопа является то, что «замкнутость и единство пространства, и именно высокая степень пространственного единства, размывает или даже отменяет историческую темпоральность» [10, с. 110]. Время идиллического хронотопа не является реальным временем, оно существует в идеальной утопии, и хутор Гримм является такой утопией.

Важно отметить, что хронотоп – это не просто абстрактное сочетание времени и пространства, «все абстрактные элементы романа – философские и социальные обобщения, идеи, анализы причин и следствий, и т. п. – тяготеют к хронотопу, и через него наполняются плотью и кровью, приобщаются художественной образности» [1, с. 496]. Это означает, что хронотоп содержит идеологические коннотации произведения, которые представлены через художественные образы. Поэтому при анализе хронотопа следует ориентироваться на художественные образы романа и извлекать из них глубинный смысл произведения.

Пространственно-временные характеристики хуторского хронотопа в романе позволяют обитателям хутора вести идиллическую пасторальную жизнь вдали от мира, что делает их отношения более прочными и надёжными. Жители хутора образуют единое целое, сообща противостоящее внешнему миру. Хотя Баха и Клару не принимают в Гнадентале, но их ждёт хутор, он становится их домом, что резко контрастирует с деревней. Их жизнь в изолированном хуторе была очень счастливой: «Дом, отогреваемый комната за комнатой, олицетворяет сердце Баха, которое от любви становится добрее, мягче и ранимее» [1, с. 35]. Бах приобрёл множество навыков, и они с Кларой смогли стать самостоятельными благодаря труду. Бах глубоко любил Клару и верил, что сумеет защитить её от опасности. Узнав о смерти Клары, Бах решил навсегда остаться в ледяном подвале со своей любимой Кларой. Впоследствии Анче, ставшая продолжением жизни Клары, становится для Баха ещё одной ду-

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 54.

хвонной опорой. Жизнь Баха и Анче на хуторе занимает большую часть романа, и эта часть является наиболее захватывающей и трогательной. Тонким и ярким пером писатель показывает переживания, страх, усталость, боль, радость и горе, которые испытывал Бах в процессе взросления Анче, создавая яркий и насыщенный образ великого отца. Бах заботился об Анче с самого её рождения, и вскоре маленькая Анче стала контролировать жизнь Баха, а Бах с радостью подчинился этому контролю. Весь смысл жизни Баха заключался в Анче, и сказки он писал только для Анче, чтобы создать для неё прекрасный мир. Бах прикипел душой к Анче, о чём Васья узнал благодаря своему обострённому чутью: «Девчонка была чем-то большим – ключом к стариковскому сердцу или даже каким-то куском его»¹. Присутствие Анче приносит Баху огромное счастье. В. Розин утверждает, что любовь Баха к Кларе и своим детям «относится к лучшим страницам русской литературы; иной раз трудно удерживать слёзы и захватывает дыхание от красоты. И как точно и психологически верно описывает автор действия и переживания героев романа» [7, с. 82]. Видно, что хутор Гримм несёт в себе любовь главных героев, является для них гаванью сердец и духовным домом.

Однако хуторской хронотоп имеет не только положительные, но и отрицательные стороны. Изоляция заставляет героев постепенно закрыться от мира. Таким образом, хутор Гримм приводит Баха и Анче к невежеству, а для Анче становится оковами в процессе взросления. Когда Бах и Клара только приехали в хутор, чтобы начать новую жизнь, у Баха не было ощущения изолированности от внешнего мира, и в это время Бах внутренне хотел установить контакт с жителями Гнадентале. Однако катастрофа в Гнадентале постепенно укрепляет Баха в убеждении, что он не может иметь контактов с внешним миром. Смерть Клары сильно опечалила Баха, так что он захотел навсегда остаться с Klarой

в спокойном мире, не думая о новых вещах и переменах. После начала воспитания Анче сердце Баха наполнилось страхом. Он боялся, что их мирная жизнь будет нарушена. Бах не хотел выводить в безумный «большой» мир свою Анче, но время от времени его сердце сжималось. Бах, потерявший способность речи, не смог научить Анче говорить, и винил в этом себя. Он считал, что Анче должна была остаться с другими детьми, но из-за своего страха и крайней любви к Анче он отчаянно хотел найти доказательство того, что Большой мир плох, а изменения, произошедшие в Гнадентале в последующие годы, ещё больше укрепили Баха в его мысли. Поездка в Саратов даёт Баху повод привязать Анче к хутору: «Нет, нежная душа Анче была создана не для шума безумных городов и людных деревень, а для уединённой жизни. Недаром Бах оберегал её все эти годы, недаром охранял хутор от вторжения “большого” мира. Как же бесконечно прав он оказался! Совесть его была теперь спокойна: он попробовал вывести девочку в мир, но рискованый поход этот едва не обернулся несчастьем. Значит, судьба им была – жить на хуторе отшельниками. И не было в том его вины. Не было. Не было»².

В отличие от Баха, Анче от природы ничего не боялась. Девочка мечтала исследовать внешний мир, она жаждала нового, а Бах не мог исполнить её желания, во-первых, потому, что он отделил её от внешнего мира, а во-вторых, потому что он, утратив языковые навыки, не смог взять на себя задачу обучения Анче, что привело к тому, что в течение длительного времени Анче не могла говорить и тем более воспринимать какие-либо культурные знания. В то же время сам Бах был сильно оторван от общества из-за долгой жизни на хуторе. Таким образом, хутор превратился в одинокий остров, который сделал героев невежественными.

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 368.

² Там же.

Открытый хронотоп – священное место для возрождения души

Читая роман, легко заметить, что хуторской хронотоп наполнен магическими элементами и в значительной степени оторван от реальности. Только в трёх упомянутых выше событиях происходит соединение хутора Grimm с внешним миром. При каждом пересечении с реальным миром магические элементы хутора в той или иной степени утрачиваются, и, таким образом, время и пространство хутора постепенно приводятся в соответствие с реальным временем и пространством.

Реализации хуторского хронотопа способствуют три упомянутых выше события, которые являются важными узлами романа. Резкие перемены в хуторской жизни героев, кризисы, с которыми они сталкиваются, и судьбоносные решения, которые они принимают, – всё это вызвано этими тремя событиями, которые играют важную роль в развитии сюжета романа. Здесь необходимо упомянуть о хронотопе порога. Характеристики, проявляемые в процессе реализации усадебного хронотопа, во многом совпадают с хронотопом порога.

Хронотоп порога – это проникнутый высокой эмоционально-ценностной интенсивностью хронотоп. Хронотоп кризиса и жизненного перелома является существенным его восполнением. По мнению М. Бахтина, «самое слово “порог” уже в речевой жизни (наряду с реальным значением) получило метафорическое значение и сочеталось с моментом перелома в жизни, кризиса, меняющего жизнь решения (или нерешительность, боязни переступить порог)». В литературе хронотоп порога всегда метафоричен и символичен, иногда в открытой, но чаще в имплицитной форме» [1, с. 494]. Сцену перелома жизни в романе «Дети мои» взял на себя такой «порог». Хронотоп порога «характеризуется пространственной уникальностью для демаркации, где время часто проявляется как момент, который, казалось бы, не имеет длины, но очень важен» [12, с. 41]. Хронотоп порога демонстрирует такие

состояния, как кризис, воскресение и обновление главного героя, которые проявляются не во временной преемственности, а на грани событий, на точке пересечения времени и пространства, где именно происходит трансформация судьбы персонажа. Первое особенное событие в романе приводит к смерти Клары и рождению Анче, второе – к огромной перемене в жизни Баха и Анче, а третье – к уходу Анче и Васьки и возрождению души Баха. Эти три события постепенно растворяют магические окраски хутора, сливая хуторское время и пространство с реальным временем и пространством.

Окончательное согласование хуторского хронотопа с реальностью произошло после третьего особенного события. Изменение времени и пространства на хуторе позволяет Баху постепенно просветляться и заново знакомиться с реальностью. На самом деле ещё за несколько лет до того, как Анче и Васька покинули хутор, Бах понял, что рост Анче и её уход в мир – это объективный закон, и он не может остановить этот процесс своей силой. За это время чувствительность Баха постепенно уступает место разуму, он с облегчением воспринимает предстоящий отъезд Анче, и эти годы становятся самыми счастливыми для Баха. Незадолго до прихода пропагандиста размышления Баха приводили его к мыслям о грядущих переменах: «В этом близившемся моменте, когда Анче посмотрит на него сверху вниз, чудился Баху какой-то тайный смысл или рубеж. Не за этим ли рубежом ждёт расставание?»¹

После того, как дети ушли, от сильного волнения у Баха помутилось в голове, а в теле поселилась пустота. Бах снова лишился чувств, и ничто в реальности не могло воззвать к ним. Бах решил любить обоих детей на расстоянии. Постепенно герой смирился с тем, что их больше нет. Бах понял, что он не смог бороться с законами, и Анче рано или поздно уйдёт. В романе есть описание хутора, о котором стоит

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 404.

подумать: «Хутор дряхлел – дряхлел вместе с Бахом, так же медленно и равнодушно ... Их с хутором жизнь постепенно угасала – но тем ярче и мощнее разгоралась жизнь детей»¹. Впервые в романе упоминается об изменении хутора Grimm. Раньше усадьба была оторвана от реального мира, сказочно сохраняла первоначальный облик, а на данный момент время хутора течёт уже не по своим законам, а по законам реальности. Хутор неизбежно дряхлел.

Перемены на хуторе привели к переменам и в Бахе, она стала священным местом для возрождения его души. Теперь Бах видит мир совершенно иначе, чем раньше: «Отрешённый взгляд видел много больше прежнего, словно со всех предметов и людей сдёрнули завесу – и лишь теперь, впервые, Бах разглядел мир по-настоящему»². Освобождённый, Бах больше не испытывает страха, его мысль перевернулась. Он решил сжечь последние остатки своей жизни, чтобы как можно больше сделать для детей. В итоге Бах превратил хутор Grimm в «детский дом имени Третьего Интернационала», позволив себе и имению выполнить последнюю роль. Возрождение хутора также перекликается с воскресением души Баха. И сам дом символизирует обычное, но великое человеколюбие Баха по отношению ко всем детям, которые полны любви и надежды.

Заключение

Наследуя способы выражения усадебного описания в русской литературе, Г. Яхина даёт уникальное изображение хутора в своём романе. Хуторской хронотоп в ро-

мане и реальный, и магический, в этом его уникальность. «Дети мои» – трогательный и глубокий роман, снискавший не меньше читательских похвал, чем «Зулейха открывает глаза». Используя хуторской хронотоп в качестве основополагающего средства, роман рассказывает о судьбах «маленьких людей» в «большой истории», показывает их горе, радость и гнев. Длительный временной охват произведения придаёт ему глубокую эпичность. Примечательно, что герой романа Бах рано утратил свои языковые способности, и автор не имел возможности передавать его слова, и именно поэтому так впечатляет тонкое изображение автором психической деятельности Баха. Различные чувства героя: любовь, страх, агрессия – трогают сердце читателей.

В своих романах Г. Яхина всегда серьёзно размышляет об истории народа, проявляет искреннюю заботу и сострадание к «маленьким людям» в «большой истории», демонстрирует «духовную силу, преодолевающую страдания» [9, с. 94]. Как отмечает комментатор, «сила романа – в любви автора к своему скромному герою, иррациональной и потому пронзительной. И эта пронзительная любовь в новом романе не слабее любви Яхиной к Зулейхе. А читатели любят за любовь»³... Творчество Г. Яхиной снова и снова вызывает эмоциональный всплеск у читателей и пробуждает наилучшие чувства в их сердцах, это имеет большое значение в современном обществе.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
2. Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с.
3. Евангулова О. С. Художественная «вселенная» русской усадьбы. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 303 с.

¹ Яхина Г. Ш. Дети мои. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. С. 439–440.

² Там же. С. 443.

³ Басинский П. В. Гузель Яхина выпустила новую книгу [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2018/05/03/guzel-iahina-vypustila-novuiu-knigu.html> (дата обращения: 08.07.2023).

4. Михайлова Н. Ф. Характеристика пространства деревни Гнаденталь и хутора Удо Гримма в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Русская классика. сборник научных статей. М.: Макс Пресс, 2022. С. 96–100.
5. Набиуллина А. Н. Пространственно-временные образы и мотивы в романах Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 3. С. 32–37.
6. Разумовская А. Г. Сад в русской поэзии XX века: феномен культурной памяти. Псков: Псковский государственный педагогический университет им. С. М. Кирова, 2010. 224 с.
7. Розин В. М. Художественная реальность романа Гузель Яхиной «Дети мои» // Культура и искусство. 2018. № 10. С. 79–87.
8. Тихонов Ю. А., Водарский Я. Е. Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки. М.: УРСС, 2001. 782 с.
9. 陈方. 雅辛娜长篇小说《我的孩子们》中的童话书写 // 俄罗斯文艺. 2021. № 2. P. 88–94.
10. 李茂增. 成长的世界图景——论巴赫金的小说“时空体”理论 // 解放军外国语学院学报. 2007. № 3. P. 108–112.
11. 刘淑梅. 文化生态视野下的俄罗斯庄园文学研究综述 // 解放军外国语学院学报. 2018. № 6. P. 146–151.
12. 薛亘华. 巴赫金时空体理论的内涵 // 俄罗斯文艺. 2018. № 4. P. 36–41.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenij. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.)* [Collected Works. Vol. 3: Theory of the Novel (1930–1961)]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2012. 880 p.
2. Bogdanova O. A. *Usad'ba i dacha v russkoj literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [Estate and Dacha in Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topics, Dynamics, Mythology]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2019, 288 p.
3. Evangulova O. S. *Hudozhestvennaya «vselennaya» russkoj usad'by* [Artistic “Universe” of the Russian Estate]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2003. 303 p.
4. Mikhailova N. F. [Characteristics of the Space of the Village of Gnadental and Udo Grimm's Farm in G. Yakhina's Novel “My Children”]. In: *Russkaya klassika. sbornik nauchnyh statej* [Russian Classics. Collection of Scientific Articles]. Moscow, Maks Press Publ., 2022, pp. 96–100.
5. Nabiullina A. N. [Spatial-temporary images and motives in the novels by G. Yakhina “Zuleyha Opens Eyes” and “My Children”]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki* [Actual issues of modern philology and journalism], 2019, no. 3, pp. 32–37.
6. Razumovskaya A. G. *Sad v russkoj poezii XX veka: fenomen kul'turnoj pamyati* [Garden in Russian poetry of the 20th century: a phenomenon of cultural memory], Pskov, Pskov State Pedagogical University named after S. M. Kirov Publ., 2010. 224 p.
7. Rozin V. M. [Artistic reality of Guzel Yakhina's novel “My Children”]. In: *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art], 2018, no. 10, pp. 79–87.
8. Tikhonov Yu. A., Vodarsky Ya. E. *Dvoryanskaya i kupecheskaya sel'skaya usad'ba v Rossii XVI–XX vv.: istoricheskie ocherki* [Noble and merchant rural estate in Russia in the 16th–20th centuries: historical essays]. Moscow, URSS Publ., 2001. 782 p.
9. 陈方. 雅辛娜长篇小说《我的孩子们》中的童话书写 // 俄罗斯文艺. 2021. № 2. P. 88–94.
10. 李茂增. 成长的世界图景——论巴赫金的小说“时空体”理论 // 解放军外国语学院学报. 2007. № 3. P. 108–112.
11. 刘淑梅. 文化生态视野下的俄罗斯庄园文学研究综述 // 解放军外国语学院学报. 2018. № 6. P. 146–151.
12. 薛亘华. 巴赫金时空体理论的内涵 // 俄罗斯文艺. 2018. № 4. P. 36–41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чжан Цзясинь – докторант факультета русского языка института иностранных языков и литературы Уханьского университета;
e-mail: 747014966@qq.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhang Jiaxin – Doctoral Student, Department of the Russian language, School of Foreign Languages and Literature, Wuhan University;
e-mail: 747014966@qq.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чжан Цзясинь. Своеобразие хуторского хронотопа в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 115–125.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-115-125

FOR CITATION

Zhang Jiaxin. The Farmstead Chronotope in G. Yakhina's "Children of the Volga". In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 4, pp. 115–125.
DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-115-125